

ИМПЕРАТОРСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НИКИФОРА ВЛЕММИДА: РИТОРИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

В рамках исследования развития византийской политической мысли несомненный интерес представляет дидактический политический трактат Никифора Влеммида [1] “Царская статуя” (“Βασιλικὸς Ἀνδριάς”) [2], относящийся к середине XIII в.

В сочинении описывается функционирование некой идеальной политической системы, центральным звеном которой является фигура императора. Образ императора наделяется Влеммидом такими качествами, как благочестие, образованность, человеколюбие, справедливость, воинская доблесть. Выбор автором этих характеристик обусловлен как задачами реальной политики, так и традицией во взглядах византийцев на императорскую власть и ее роль в обществе. Наряду с характеристикой василевса в трактате присутствует и ряд замечаний о его внутренней и внешней политике.

Остановимся только на одном из параметров этой риторической конструкции - идее справедливости - и попытаемся выяснить, насколько актуальной была эта тема для Никейской империи середины XIII в.

Как было отмечено С.Л.Утченко [3], справедливость проявляется в наборе качеств, приписываемых идеальному гражданину (*vir bonus*) уже в эпоху античности. Именно тогда было сформулировано учение о четырех основных добродетелях, автором которого считают Платона. Со временем оно подвергалось модификации, но сохранило свои основные положения. Так, в интерпретации Цицерона, приведенной С.Л.Утченко, четыре основные добродетели выглядят следующим образом: мудрость - *cognitio* (σοφία), двусторонняя добродетель - *iustitia* и *beneficentia* (δικαιοσύνη), мужество - *magnitudo animi* (ἀνδρία) и, наконец, благоразумие - *decorum* (σωφροσύνη). Как видим, справедливость (двусторонняя добродетель) занимает в этом перечне не последнее место.

Тема справедливости воспринимается затем византийскими “княжескими зеркалами” и становится достаточно традиционной. Начиная с Евсевия Кесарийского и “Речи Юстина”, важнейшей темой всех политических реминисценций является образ идеального василевса. П набору приписываемых ему добродетелей этот образ кажется достаточно устойчивым. Однако в зависимости от конкретных исторических обстоятельств на первый план выступают те или иные его качества, а некоторые исчезают. Категория справедливости, по мнению Г.Хунгера и многих других ученых [4], являлась одним из основопола-

гающих и более или менее постоянных элементов византийской Kaiseridee. Понятие справедливости традиционно связывалось в сознании византийцев с заботой о подданных [5], сближаясь по значению с человеколюбием (φιλανθρωπία) и приобретая скорее этическую, чем юридическую окраску. Исходя из этих наблюдений, категория справедливости должна быть рассмотрена нами в двух аспектах, выделенных Г.Хунгером [6]: император в сфере закона и император в сфере ответственности за подданных.

Законотворческая деятельность императора не нашла отражения в анализируемом источнике. Встречается, однако, упоминание некоего закона, который, как отмечает Никифор Влеммид, "издревле является подходящим для осуществления государственных дел" ("νόμος ἀρχαῖον, συμβαῖνον τοῖς πράγμασι" - BA.1). А.П.Каждан [7] объясняет этот факт традиционностью правосознания византийцев, апеллировавших к юридическим нормам, выработанным еще в Римской империи, а также к их более поздним рецепциям. Императору отводилась роль хранителя традиций и обычаев древности, воспринимаемых как благо для подданных, а не их преобразователя. Тема обязательности закона для императора поднимается Влеммидом лишь однажды - в его наставлении василевсу наказывать грешников ("τὸν πλημμελήσαντα" - BA. 212) в рамках закона ("οὐκ ἄθεσμός" - BA. 212). Восхищение автора законопослушностью древних афинян ("ἐξαίρω τῶν Ἀθηναίων τοὺς πάλαι, λόγους καὶ νόμους [μελέτῃ] πεσομαχίας τε καὶ ναυμαχίας τὸν βίον διηρηκότας ἐξ ὧν... εὐνομίαν ἐξήσκησαν..." - BA. 136) также могло предназначаться императору, хотя с определенностью говорить об этом не представляется возможным.

Взаимоотношения императора и подданных трактуются Влеммидом как отношения пастыря ("ποιμήν"-BA.51) и паствы ("ποίμνια"- BA.51). Отсюда вполне естественны советы императору быть умеренным в наказаниях, сборе налогов и т.д.

Первостепенное значение для автора приобретала тема необходимости назначения императором на должности мудрых и справедливых чиновников для реализации принципа справедливости в управлении подданными.

По мнению Влеммиды, назначение правителем на высшие центральные и провинциальные должности мудрых (σώφρονες) и справедливых (δίκαιοι) людей является необходимым условием создания в государстве благоприятного общественного мнения: "Разве не известно, насколько доброму имени или бесчестию способствует слава, которая распространяется о полководцах и наместниках провинций, и церковных иерархах, и градоначальниках - людях, сопутствующих верховной власти, и сколько отсюда проистекает, не только для толпы, пользы или вреда?" (BA. 167).

Представляется, что появление в сочинении темы справедливости, и в особенности вопроса о "кадровой" политике императора, обусловлено

не столько традицией в понимании византийцами назначения и сути императорской власти, сколько вполне реальными обстоятельствами.

В.И.Барвинок [8] полагал, что Никифор Влеммид смотрел на свой труд как на руководство для Феодора II Ласкариса. Посылая ему трактат, Влеммид не настаивал, чтобы Феодор обязательно пользовался данным изображением правителя как примером. Но он просил его внимательно прочесть, полагая, что если это будет сделано, труд не будет бесполезным. Анализ содержания трактата позволяет нам рассматривать "Царскую статую" как средство воздействия интеллектуала на власть, ибо "во все времена интеллектуалы были ...носителями скепсиса, полускрытой оппозиционности" [9] по отношению к последней. Немецкий исследователь Ф.Тиннефельд [10], проанализировав критику императорской власти в византийской историографии VI - XIII вв., отмечает, что историографу оставалась возможность лишь не прямой критики (скрытой оппозиции), поскольку открыто высказывать свое мнение было опасно. Это наблюдение распространяется и на жанр энкомия, столь популярный в византийской писательской среде. Похвалы, адресованные императору и часто не отражавшие его действительный облик, являлись скорее "завуалированными рекомендациями" [11] последнему и своего рода критикой. Я.Н.Любарский отмечает в отношении энкомиев: "Уже в поздней Римской империи, на заре развития жанра, придворные ораторы, которым доверялось произнесение торжественных речей в честь царственных лиц, пытались "делать политику" и воздействовать на императоров, идеализируя и оттеняя отдельные действительные или вымышленные их черты" [12]. С еще большим основанием, на наш взгляд, это высказывание можно отнести к дидактической речи-наставлению.

В трактате явно отражено недовольство Никифора Влеммидом жесткой "кадровой" политикой императора Феодора II Ласкариса. Последний, вступив на трон, стал систематически замещать в должностях людей знатных выходцами из народа [13]. Так, сразу после коронации Феодор II Ласкарис пожаловал своему незнатному другу детства Георгию Музалону должность великого доместика, а осенью 1255 г. император произвел своего любимца в должности протовестиария, протосеваста и великого стратопедарха, которые возвели Георгия Музалона на вершину дворцовой иерархии [14]. Братьев Георгия Музалона Феодор II Ласкарис также выдвинул на первые места в государстве [15]. Замещения сопровождалось гонениями и казнями приближенных императора [16]. Был ослеплен дипломат Феодор Фил [17]; пострижен в монахи знатный Комнин Торник; брошен в тюрьму полководец Алексей Стратигопул (впоследствии взявший Константинополь) [18], а его сын Константин ослеплен под предлогом того, что пренебрежительно отзывался об императоре; Михаил Палеолог, будущий византийский император, предупрежденный о намерениях Феодора, бежал к сельджукам [19]. Подобные крайности в правление Феодора II Ласкариса М. Анголд склонен

объяснять подозрительностью императора, усугублявшейся приступами эпилепсии [20].

Ф. И. Успенский характеризует Влеммида как одного из противников Музалонов [21]. Действительно, в сочинении автор сетует на то, что в его время пренебрегают "воспитанными и образованными людьми" ("πεπαιδευμένων" - ВА. 170) и возвеличивают ничтожных ("ἄποφωλίου" - ВА. 170): "Если же трудно таких мужей (воспитанных и образованных. - Л.Р.) найти ныне ("νῦν"), то потому, что они презираются, дурные же, предпочитаемые, преуспевают; ибо все, к чему стремятся и что почитают, преумножается, тогда как все, о чем не заботятся, чахнет и теряется из виду" (ВА.165). Падение Константинополя в 1204 г. Влеммид напрямую связывает с нарушением в государстве принципа справедливости: "...Многочисленная речь ("πολὺς λόγος ") была у нас уничтожена, а благопристойность нравов погублена " из-за того, что людей такого рода увольняли, а вместо них на светские и духовные должности отбирали их противоположности" (ВА. 166).

Такие качества, как мудрость и добродетельность, в понимании Никифора Влеммида являются необходимым условием воплощения в жизнь принципа справедливости: "На эти должности следует назначать таких людей, которые бы избегали как простоты разума, так и безнравственности. Только в этом случае глупость будет изгнана, благопристойность же будет преобладать над другими качествами, а тот, кто правит такими людьми, прославится" (ВА. 158). Далее Влеммид продолжает: "Ибо презрение воспитанных и образованных людей и благосклонное отношение и возвеличивание ничтожных (людей.- Л. Р.) является ничем иным, как прославлением порока ("κακία") и отказом от добродетели ("ἀρετή"), восхищением неблагоразумием ("ἄλογία") и отвержением разума ("λόγος" - ВА. 170).

Как считает автор, мудрость и добродетельность свойственны лишь человеку, которого он определяет как "ἑσθλός" (ВА. 171), т. е. благородный, знатный, богатый, а также разумный и мудрый. Думается, что для Влеммида знатность, благородство и мудрость неразрывно связаны друг с другом; тот, кто избирает путь порока и неблагоразумия, находится, как отмечает автор, среди толпы и того, что сопутствует ей ("μετὰ τοὺς πλῆθους καὶ τῆς συστοιχίας αὐτοῦ" - ВА. 171).

Итак, анализ " Царской статуи " позволяет говорить о четко выраженном критическом подходе автора к оценке некоторых сторон деятельности императора, в частности его " кадровой " политики. Никифор Влеммид выражает здесь мнение аристократических кругов, недовольных политикой Феодора II Ласкариса, направленной на укрепление императорской власти путем выдвижения на высшие должности в государстве недостойных людей. Сквозь пышность риторических фигур, содержащих похвалы императору, просматриваются реальные события, давшие автору "Царской статуи" возможность, не нарушая канонов риторики, высказать свое негативное к ним отношение.

1. О Никифоре Влеммиде см.: **Барвинок В. И.** Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911; PLP. N 2897.; Blemmydes Nikephoros// OLB. P.296.
2. См.: **Hunger H., Sevcenko I.** Des Nikephoros Blemmydes "Basilikos Andrias" und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaïotes: Ein weiter Beitrag zum Verständnis des byzantinischen Schriftkoine// Wiener byzantinische Studien. 1986. Bd. 18. P.42-117.
3. **Утченко С.Л.** Две шкалы римской системы ценностей// ВДИ. 1972. № 4. С.29.
4. **Hunger H.** Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S.114-117; **Афиногенов Д.Е.** Представления Георгия Амартола об идеальном императоре// ВО. М., 1991. С.166; **Чичуров И.С.** Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М.,1991.С.46-48,81-88,103,110,122.
5. См.: **Чекалова А.А.** К вопросу о теории монархии в IV в.// ВО. 1991. С.13-30; **Чичуров И.С.** Политическая идеология средневековья. С.46-48,81-88,103,110,122.
6. **Hunger H.** Prooimion... S.114-117.
7. **Каждан А.П.** Византийская культура X - XII вв. М.,1968. С.87-88.
8. **Барвинок В.И.** Никифор Влеммид и его сочинения. С.232 - 233.
9. **Чекалова А.А., Поляковская М.А.** Интеллектуалы и власть в Византии // ВО. М.,1996. С.23.
10. **Tinnefeld F.H.** Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Procop bis Niketas Choniates. München, 1971.S.192.
11. **Чекалова А.А., Поляковская М.А.** Интеллектуалы и власть в Византии. С.23.
12. **Любарский Я.Н.** Михаил Пселл: Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М.,1978.С.166.
13. **Angold M.** A Byzantine government in exile: Government and society under the Laskarids of Nicaea (1204 - 1261). L., 1975. P.76.
14. **Acropolitae Georgii.** Opera/ Ed. A.Heisenberg. Leipzig, 1903. Т.1. P.124; Т.2.160; **Григора Никифор.** Римская история. СПб.,1862. Т.1. С.59-60; **Пахимер Георгий.** История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб.,1862. Т.1. С.33; **Андреева М.А.** Очерки по культуре византийского двора в XIII веке. Прага, 1927.С.35-37.
15. **Acropolitae Georgii.** Opera. Т.1. P.124; Т. 2.155; **Григора Никифор.** Римская история Т.1. С.63; **Пахимер Георгий.** История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т.1. С.25.
16. **Пахимер Георгий.** История о Михаиле и Андронике Палеологах. С.25-26.
17. **Acropolitae Georgii.** Opera. Т.1. P.155; Т. 2.163-164.
18. **Ibid.**Т.1. P.154.
19. **Григора Никифор.** Римская история. Т.1. С.55.; **Пахимер Георгий.** История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т.1. С.28.
20. **Angold M.** A Byzantine government in exile ... P.79.
21. **Успенский Ф.И.** История Византийской империи. М.; Л.,1948. Т.3. С.584.